

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Ну, наконец-то, — прошептал Дерзкий, заметив в подворотне женщину в алой косынке.

— Что? Вышла? — уточнил его напарник Оська по прозвищу Хвастун, долговязый парень в рваном засаленном сюртуке. — А точно она?

— Она, голубушка, кухарка Чванова. Платочек альенький на всей Коломенской только у нее.

— А что, у ростовщика другой прислуги разве нет?

— Нет.

— Ты ж говорил, богач...

— Богач-то богач, но жуткий скряга.

— Может, потому и богач, что скряга, — посетила голову Оськи неожиданная мысль. — Говоришь, закладов у него тысяч на пять?

— Может, и на десять.

— Как же ты их унесешь? Пойдем давай вместе. Ну что нам тот дворник сделает? Скажем, что к ростовщику, медальон твой идем закладывать...

— Дворник меня знает...

— Откуда? — спросил любопытный Оська.

— Не твое собачье дело, — стукнул по столу Дерзкий.

Оська хотел возразить, но, кинув на приятеля взгляд, осекся — глаза Дерзкого горели недобрым огнем, а сжатые в кулаки руки готовы были врезать, ежели Хвастун немедля не заткнется.

— Так. Кухарка вышла на Коломенскую, повернула в сторону Кузнечного переулка, — сообщил приятелю Дерзкий, смотревший в окно. — Тебе пора. Все помнишь?

— Чего тут помнить? Показать дворнику целковый, пригласить сюда, в трактир.

— Стол займешь другой, где-нибудь в глубинке, чтобы ему улицу было не видеть.

— Это понятно. — Оська поднялся с табурета и направился к выходу.

— Эй, служающий, — крикнул Дерзкий, — сколько с нас?

♦ Чайники
с заваркой
и кипятком.

— Чайная пара♦, — стал загибать пальцы половой, — два бутерброда с ревельской килькой, два с ветчиной, итого-с пятиалтынный.

Дерзкий бросил на стол три пятака, продолжая наблюдать в окно за Оськой, который, перебежав Коломенскую, вальяжной походкой подкатил к дворнику, лениво подметавшему тротуар.

— Эй, уважаемый, — обратился он к нему.

Крепкий бородач в длинном темном кафтане и белом фартуке неприязненно оглядел оборванца:

— Чего тебе?

— Сам-то я нездешний, только-только с вокзала. Вот ишу, где выпить.

— А деньги у тебя есть? — усомнился дворник, разглядывая разодранный сюртук Хвастуна.

— А то как же! — воскликнул Оська и достал из-за пазухи выданный ему Дерзким рубль.

— Ого, целковый! — одобрительно цокнул языком дворник. — На такие деньжата славно можно погулять.

— Только вот где? — улыбнулся в ответ Осип.

Улыбка у него была столь располагающей, что даже городской не заподозрил бы в нем воришку и мошенника.

— Да хоть напротив, — махнул метлой дворник на тот самый трактир, из которого только что Оська вышел.

— Не составите ли мне компанию, уважаемый? А то я здесь никого не знаю.

Отлучаться от дома дворнику было нельзя. Если бы его отсутствие обнаружила хозяйка, непременно уволила бы. Но нынешнее лето она безвылазно жила на даче, в город не приезжала. И дворник, а звали его Прокопий, решил рискнуть — уж больно хотелось ему выпить на дармовщину. Он отнес метлу в дворницкую, снял там фартук и вместе с новым приятелем отправился в трактир.

* * *

Дерзкий покинул трактир в тот момент, когда Прокопий скрылся в дворницкой. Степенно, будто и не в старом заношенном армяке, пересек Коломенскую и зашел в парадный подъезд. Поднявшись на второй этаж, покрутил кнопку звонка. В глубине квартиры раздались неспешные шаги, и вскоре входную дверь отворили, правда, не настезь, всего лишь на цепочку.

— Чего тебе надо? — спросил ростовщик, увидев через щель оборванца.

— Медальон заложить, серебряный, — и, сняв его с шеи, сунул под нос ростовщику.

Дверную цепочку тут же сняли, дверь распахнулась.

— Прошу, проходи. — Ростовщик пропустил Дерзкого внутрь и от охватившего его волнения забыл закрыть дверь на ключ. — Откуда он у тебя?

Дерзкий, игнорируя вопрос, прошел прямо по коридору в огромную комнату. Другие бы хозяева использовали ее как столовую, Чванов же заставил стеклянными витринами, точь-в-точь как в ювелирных лавках. И в них

под замками держал заклады — от дорогих колец с бриллиантами до копеечных медных крестиков, — под залог которых ссужал клиентам деньги. Кому в половину, а кому в четверть истинной стоимости. В назначенный Чвановым срок (обычно через месяц) залог надлежало выкупить, то есть вернуть ростовщику полученную сумму, а сверх нее еще и плату за кредит, так называемые проценты. Однако редко кому из его клиентов это удавалось. И тогда невыкупленные заклады становились собственностью ростовщика.

— А ты, смотри, все богатеешь и богатеешь, — процедил Дерзкий.

— Как смеешь мне тыкать, оборванец? — взвизгнул Чванов. — И вообще, откуда у тебя этот медальон?

— Что? Неужто не узнал?

Стоявший спиной Дерзкий обернулся, и Чванов едва не выронил из рук свечку.

— Анатолий?

— Таки признал... Ну что, обнимемся, братишка?

— Ты же на каторге...

— Был и там, да весь вышел.

— Ты что... сбежал?

— Какой ты догадливый...

— И что тебе от меня надо?

— Во-первых, денег...

Чванов достал из кармана халата несколько мятых рублей:

— На, держи...

Дерзкий отпихнул руку брата:

— Три рубля? Ты что? Издеваешься? Я ведь из-за тебя на каторгу попал.

— Ты попал туда за убийство.

— Меня признали бы сумасшедшим, если бы не ты. Зачем ты в суд явился?

— А зачем ты подписывал векселя моим именем? Знаешь, сколько сил и средств мне пришлось приложить, чтобы от них отбиться?

Дерзкий достал из кармана длинный узкий кинжал.

— Ты чего? — попятился от него ростовщик. — Я твой брат...

— Спасибо, что об этом вспомнил. Открывай давай несгораемый шкаф. Я знаю, он вмурован за портретом отца. Открывай, говорю, не то порежу, как колбасу...

Возмущенный ростовщик подошел к картине. Сняв ее, достал из кармана халата связку ключей и, безошибочно выбрав нужный, сунул в замок шкапа.

— Теперь отойди, — велел Дерзкий. — Вдруг у тебя там револьвер?

Увы, револьвер ростовщика покоился в ящике письменного стола. Как бы ему до него добраться?

Каторжник повернулся спиной к брату и, вытащив из кармана армяка холщовый мешок, сгреб в него лежавшие в шкапу купюры и монеты.

— Негусто, — вздохнул он. — Где остальные?

— Все, что есть, — развел руками ростовщик. — Ты думал, я миллионер? Какое там... Каждая копейка потом и кровью достается...

Дерзкий рассмеялся:

— Скажешь тоже... Ты такой же грабитель, как и мои друзья-каторжники. Последнее у людей отбираешь. Только им, разбойникам, за то каторга полагается, а вам, ростовщикам и банкирам, — уважение и почет. А где медальон?

— Какой медальон? — опешил Чванов.

— Отцовский.

— Зачем он тебе?

— Не твое собачье дело, — оборвал его Дерзкий. — Давай медальон, живо. Не то зарежу...

— Не маши ножичком. Забирай, конечно... Где же он? Недавно ведь на глаза попался, — начал ломать комедию ростовщик, медленно приближаясь к столу. — Не здесь ли?

Александр Иванович приоткрыл дверцу буфета:

— Нет. Должно быть, в столе...

Быстро подошел к нему, открыл нужный ящик и вытащил револьвер:

— А вот и он. Теперь клади деньги обратно в шкаф. Быстро! И нож туда же.

Дерзкий, сплунув на ковер, с презрением глянул на брата:

— Как сволочью был, так сволочью и остался.

— С волками жить — по-волчьи выть, — с самодовольной улыбкой ответил ростовщик. — Пора тебе, Толик, обратно в Сибирь. И на сей раз уж я не поспею, будь уверен. Заплачу тюремщикам, чтобы глядели за тобой в оба. Сгниешь там заживо.

— А ежели секрет медальонов открою?

— Какой еще секрет?

— Отец в них зашифровал, где спрятано наше наследство.

— Не говори ерунды. Наследство украл Васька...

— Если бы он украл, я бы в Нерчинске его не встретил. С такими деньжищами с каторги сбежать — плевое дело.

— Васька до сих пор жив?

— Да. И побожился, что денег отцовских не брал. Папашка наш, — Дерзкий кивнул на портрет, — их спрятал...

— Где?

— Так я тебе и сказал. Сперва поклянись, что не выдашь меня властям и что деньги поделим поровну.

Ростовщик задумался. Дерзкий видел по глазам брата, какая нешуточная борьба между лютой ненавистью

и жадностью происходит в его душе. Как и рассчитывал преступник, алчность победила.

— Хорошо, клянусь. Говори, в чем секрет.

* * *

Орудием труда крючочникам служил трехзубый крюк, ввинченный в палку от метлы. Им они шуровали в мусорных кучах, отделяя от объедков ценные, по их мнению, вещи: обрывки тканей, обглоданные кости, бутылки и железки. Найденное тряпичники складывали в холщовые мешки, что висели у них за плечами, и вечером, вернувшись домой, сортировали их по кучкам, чтобы затем сбыть скупщику. Тот же, собрав хлам от полусотни крючочников, продавал его на переработку: ткани шли на производство бумаги, кости — на изготовление клея, металлы — в переплавку, бутылки возвращались в трактир.

Но иногда в кучах мусора крючочникам попадались более ценные вещи: изношенный костюм или платье, которое можно было перелицевать, — их сбывали портным, стоптанные до дыр сапоги или туфли продавали сапожникам. А вот потерянные из-за прогнившей веревки нательные крестики крючочники относили ювелирам или ростовщикам.

Как раз накануне, в субботу 16 августа 1873 года, десятилетний Кешка, сын Фроськи-крючочницы, нашел в одном из дворов Свечного переулка золотой крестик.

— Сдадим Александру Иваньчу, — с ходу решила его мать. — Полтинник за него точно даст.

— А конфет мне за крестик купишь? — уточнил Кешка, как и все ребяташки, обожавший сладкое.

— Еще чего? За угол еще не плочено...

Кешка с мамкой снимали для жилья угол в комнате портного Иванова.

— Тогда требуй с ростовщика не полтинник, а рупь...

— Не даст. Ни в жизнь не даст.

— Он-то даст. Только ты обмануть меня хочешь и второй полтинник пропить, — догадался Кешка и решительно заявил: — Вместе к Иванычу пойдем.

И какие только причины ни придумывала Фроська, чтобы сынок остался дома, Кешка все равно увязался за ней. Если бы дворник стоял, как и положено, на улице, через парадную дверь он бы крючочников не пустил, заставил бы их по черной лестнице подыматься. Но Прокопий сидел в трактире, и Фроська с Кешкой спокойно зашли в парадную и поднялись на второй этаж. Квартира ростовщика была не заперта. Они приоткрыли дверь и вошли. Из бывшей столовой до них донеслись голоса:

— Хорошо, клянусь. Говори, в чем секрет.

— Помнишь на обеих миниатюрах березу...

— Как не помнить...

— Так вот, листики на ее ветках — это шифр...

И тут Кешка внезапно чихнул.

— Кто там? — громко спросил ростовщик.

— Мы это, Ефросинья с Иннокентием, — подобострастно ответила крючочница. — Но ежели заняты...

— Беги в полицию. Скажи, грабителя пой...

Договорить ростовщик не успел — Дерзкий метнул в него кинжал, который попал точно в горло. Выстрелить в ответ он не сумел — руки разжались, револьвер из них выпал, и ростовщик с грохотом повалился на пол. А преступник, подхватив мешок с деньгами, ринулся на кухню, в два прыжка очутился у двери на черную лестницу, быстро скинул крюк, на который та была закрыта, и был таков...

* * *

Ни Фроська, ни Кешка в полицию не побежали. Услышав сперва грохот, а потом убегающий топот, они, выставив вперед, словно ружья, крюки, осторожно прошли по коридору в квартиру.

Нет, они не считали себя бесстрашными героями, которые, презрев опасность, кинулись на помощь ростовщику. Расчеты у них были свои: грабители, судя по топоту, уже сбежали, а Чванов, похоже, убит или ранен. Вдруг разбойники не все успели украсть? Вдруг и Фроське с Кешкой что-то перепадет?

— Господи! — перекрестилась крючочница, увидев лежавшего на полу ростовщика, вокруг которого растекалась лужицей кровь.

— Что? Сдох? — уточнил Кешка.

— Дохнут кошки с собаками... Люди Богу душу отдают...

— Он уже отдал душу?

Фроська осторожно потрогала крюком тело ростовщика:

— Кажись, да. Сходи-ка парадную дверь на цепочку запри. А я пока...

Фроська размахнулась палкой и ударила крюком по одной из витрин.

— Нас же в тюрьму посадят! — испугался Кешка.

— А кто на нас подумает? Никто и не видал, как мы в дом зашли.

Фроська сняла заплечный мешок и стала запихивать в него заклады. Кешка сбежал к двери и закрыл ее.

— Дай-ка свой горбовик, — велела ему мать, когда он вернулся в столовую.

Кешка стянул заплечный мешок и кинул ей, не сводя глаз с Александра Ивановича — он вдруг заметил, что положение правой руки ростовщика изменилось: когда они только зашли, она была выпрямлена, а теперь согнута.

- Кажись, жив, — испуганно пробормотал Кешка.
- Когда кажется, крестись...
- Кто тут? — прошептал ростовщик.
- Ой! И вправду жив! Что ж теперь будет? — испугалась крючочница.
- Фроська, ты? — прохрипел Чванов.
- Да.
- Подойди.
- Крючочница с опаской приблизилась.
- Сыну... передай... медальоны... листики на березе... шифр... Поняла? — произнес умирающий.
- Шифр на березе, чего тут непонятного?
- Передай, Только за ними... — закончить ростовщик не смог. Правая его рука снова разогнулась, и он затих навсегда.
- Теперь точно Богу душу отдал, — перекрестился Кешка.
- Ну что встал как вкопанный? — закричала Фроська, уже успевшая разбить и обчистить все витрины. — Оглядишь, что бы еще прихватить.
- Кешка, схватив венский стул, подбежал к киоту.
- В каждом доме, где жили православные, имелась полка с иконами, которая называлась киотом.
- А ты у меня голова! — похвалила Кешку мать. — Оклады-то на иконах какие богатые. Дай-ка их сюда.
- Забравшись на стул, Кешка стал подавать иконы, а Фроська — складывать в мешок.
- Ты там еще пошуруй. За иконами часто самое ценное прячут, — велела мать.
- Он послушался и действительно обнаружил в глубине киота нечто круглое на цепочке. Нажав на кнопку медальона, он открыл его и в свете неугасимой лампы, горевшей на киоте, увидел вложенную в него картинку, а на ней офицера, а за ним березу, на ветках которой желтели листочки.

«Медальон... листочки... шифер», — пронесли в голове последние слова Чванова.

— Ну что там? — спросила Фроська.

— Вроде ничего, — соврал Кешка.

— Тогда слезай. Тикать отсюда пора.

Кешка спрыгнул со стула, незаметно для Фроськи сунув медальон в карман штанов.

— Все, пошли, — сказала Фроська. — Не дай бог, кухарка с рынка вернется...

Кухарку Чванова, ту самую в аленьком платке, крючочники встретили по дороге сюда — остановившись возле Кузнечного рынка, она точила лясы с товаркой.

— Опять через парадный пойдём? — спросил Кешка.

— Нет, через черный. Вдруг дворник на пост вернулся?

Черные лестницы имелись в каждом доходном доме — по их облупленным грязным ступенькам дворники поднимали в квартиры дрова и воду, а обратно уносили мусор и пищевые отходы. Также по черным лестницам ходила прислуга — лакеи, горничные, кухарки и обслуга — полотеры, трубочисты, прачки, разносчики.

На черной лестнице крючочники ни с кем не столкнулись, двор был пуст. Чтобы не попасться на глаза Прокопию, через подворотню не пошли. А, поплутав между дровяными сараями, выбрались «сквозняками» (проходными дворами) на соседнюю, Николаевскую улицу и по ней уже направились к Лиговскому каналу.

* * *

Дерзкий, попетляв на всякий случай по соседним улицам, снова зашел в трактир. За столик садиться не стал. Встретившись глазами с Оськой, сделал ему знак, мол, пора отчаливать.

— Счетик нам извольте! — крикнул Хвастун пововому.

— Что, уже уходим? — удивился сильно захмелевший Прокопий.

— Да, брат, мне пора. Дела у меня еще...

— Хороший ты человек, Оська, — сказал, поднимаясь со скамьи, дворник.

Хвастун быстро рассчитался и, простившись с новым приятелем, выскочил из трактира вслед за Дерзким. Друг за другом, будто и незнакомы, они дошли до Свечного переуллка. На перекрестке Дерзкий остановился, пропускающая экипаж, и, когда Оська поравнялся с ним, быстро сунул ему в руку целковый.

— Что, уже и сбыть успел? — удивился Хвастун, разглядывая рубль. — А почему так мало? Мы же договаривались...

— Все обещанное ты получишь. И даже больше. — Экипаж проехал, и оборванцы двинулись дальше по Коломенской. — Но придется залезть в квартиру еще раз. Не все оттуда выгроб. Помешали...

— Кто?

— Клиенты ростовщика. Явились в самый неподходящий момент. Пришлось ретироваться.

— Думаешь, ростовщик тебя еще раз впустит? — со смешком спросил Оська.

— Кто его будет спрашивать? Был ростовщик, да весь вышел.

— Как это?

— Зарезал я его.

— Что?

— Что слышал. Ты пока погуляй, а часика в четыре снова приходи в трактир.

Ошарашенный Оська еще долго стоял как столп, обдумывая положение, в котором внезапно очутился. Конечно,

он и до сего дня был преступником, но всего лишь воришкой, никак не убийцей. И теперь, если вдруг поймают, месячным арестом он не отделается. За убийство и даже за соучастие в нем отправят на каторгу. Почему Дерзкий не предупредил, что убьет ростовщика? Вот ведь негодяй!

Но чуть погода Оська вспомнил о серебряном рубле, что сжимал в кулачке, и настроение сразу улучшилось. С неизменной улыбочкой на лице он пошел коротать время в кабак.

А его недавний собутыльник Прокопий, не без труда перейдя через дорогу, надел фартук и, взяв в руку метлу, встал у подъезда. Правда, мести тротуар он уже не мог, метла ему была нужна скорее для опоры. Вскоре мимо него прошмыгнула во двор кухарка Чванова, закупившая на Кузнечном рынке провизию на обед и ужин. Прошла еще пара минут, и со второго этажа раздался ее истошный крик:

— Помогите! Убили!

Прокопий, спотыкаясь, побежал по парадной лестнице вверх — навстречу ему с криком летела кухарка.

— Беги! Беги в полицию! — велел ей Прокопий.

Заскочив в дворницкую, он засунул голову в ведро воды, чтобы протрезветь. Потом съел головку лука, чтобы от него не разило водкой.

Участковый пристав с городовыми и околоточным явились через четверть часа.

— Кто за последний час входил в дом и выходил из него? — строго спросил пристав Прокопия.

— Да не было никого.

— А через черную лестницу?

— Не могу знать. Мне отсюда не видать. А остальные дворники в отпусках.

Дворниками в Петербурге служили крестьяне окрестных губерний, у которых в деревнях оставались жены,

дети и земельные наделы. С них-то семья и кормилась. Поэтому летом, когда работы было мало, дворники уезжали домой, чтобы убрать урожай.

— А почему от тебя водкой несет? — приняхался пристав.

— То не водкой, то луком. Обедал только что.

Полицейские поднялись на второй этаж, осмотрели труп и разбитые витрины.

— Самим нам тут не справиться, — решил пристав и отправил одного из городских за подмогой в сыскную полицию.

* * *

Кешке с большим трудом удалось уговорить мать не сбывать все украденное сразу.

— Но почему? — возмущалась та по дороге. — Ведь как люди тогда заживем. Комнату снимем. А то и квартиру.

— Ага! И ты пригласишь туда своих дружков и за три дня пропьешь все деньги. Нет! Если заклады сбывать потихоньку, этих денег нам на год хватит. А то и на два.

— А где их хранить?

— Как где? В сундуке, на котором спим. Кто в него полезет?

С прежней, более сытной жизни у Фроськи остался большой деревянный сундук, в котором когда-то лежало ее приданое: два платья и перина. На нем, подложив вместо подушки под голову полено, Фроська с Кешкой и спали.

Перейдя Ново-Каменный мост, крючочники свернули направо и наискосок вышли на Воронежскую улицу. Миновав по ней три извозчичьих двора, они поднялись по черной лестнице на самый верх каменного четырехэтаж-

ного дома, в котором обитали. Комната была маленькой, большую ее часть занимал портной Иванов с женой и тремя детьми. Прокормить своим промыслом такую ораву он не мог, поэтому был вынужден делить жилище с Фроськой и ее сыном.

— Что-то вы рано сегодня, — буркнула жена портного Наталья, постоянно кашлявшая из-за душившей ее чахотки.

— Так воскресенье. Работать грех, — парировала Фроська.

— Зато не грех заплатить за угол.

— Не бойся, получишь сегодня по полной. Да еще вместе с авансом. Гляди, что в Чубаровом переулке нашла — Фроська, желая похвастаться, сунула Наталье в руки икону Смоленской Божией Матери, украденную у Чванова. — Видишь, какой оклад богатый: тут тебе и серебро, и жемчуг. Как думаешь, сколько за нее дадут?

— Ну, если заложить...

— Заложить — только деньги терять. Хорошо, если полцены дадут. Продать хочу...

— Тогда червонец, не меньше.

— Вот только кому ее сдать?

— Так Чванову, — предложила Наталья.

Фроська невольно вздрогнула:

— Нет, он в прошлый раз меня надул.

— Тогда Сарайкину на Боровой. Знаешь его?

— Конечно.

— Только я с тобой пойду, — сказала неожиданно Наталья.

— Это еще зачем?

— А то ты как деньги получишь, сразу в трактир вернешь и все пропьешь.

— И я с вами пойду, — заявил Кешка.

Мальчик тоже был уверен, что мать на радостях прогуляет все деньги. А ему очень хотелось есть — ведь со вчерашнего вечера, когда Наталья из жалости сунула ему вареную картофелину, у него росинки маковой во рту не было.

Сарайкин долго торговался, в результате сошлись на восьми с половиной. Три рубля — оплату за угол за текущий и следующий месяц, забрала Наталья, четыре после небольшого скандала достались Кешке: на двадцать копеек он сытно поел в Обжорном ряду, а остальные решил припрятать. Оставшиеся полтора рубля Фроська пошла прогуливать в кабак.

Отобедав, Кешка отправился на лужайку, что за домом, к старому дубу, в дупле которого у него был тайник. Там завернутыми в тряпицу хранились самые дорогие вещи: оловянный солдатик без ноги, лубочная картинка с Аникой-воином и обгорелая страница из книжки, на которой щеголяла пушистыми иголками рождественская елка. Все эти сокровища он нашел на свалках, но они так ему приглянулись, что припрятал их от матери. Убедившись, что никто за ним не наблюдает, он взобрался по стволу и веткам наверх и сунул в дупло медальон и отобранные у матери деньги.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Отправленный за подмогой городской вернулся в квартиру на Коломенской через час вместе с изящно одетым господином с франтоватыми усиками.

— А, Арсений Иванович, наконец-то, — поприветствовал его пристав.

— Что удалось вам выяснить?

— Кухарка Дарья Павлухина вышла из дома, как обычно, в одиннадцатом часу утра и отправилась на Кузнечный рынок. Дверь на черную лестницу закрыл за ней сам хозяин. Когда Павлухина вернулась, то обнаружила эту дверь открытой, что показалось ей странным, потому что барин, опасаясь грабителей, всегда закрывал ее на крюк, когда кого-то впускал в дом. Кухарка рискнула зайти в квартиру, где и обнаружила труп своего работодателя господина Чванова Александра Ивановича, дворянина Курской губернии, тридцати трех лет, подпоручика в отставке.

— И чем же господин подпоручик занимался после отставки? — уточнил сыщик, тростью указав на витрины. — Неужто ростовщичеством?

— Да-с, господин Яблочков, вы правы, — подтвердил участковый пристав. — Причем деньги ссужал за бешеные проценты. Последнюю рубашку сдирал с бедолаг, имевших несчастье к нему обратиться.

— То есть врагов у него вагон и тележка. Давайте-ка взглянем на покойничка, — предложил Яблочков.

Один из городских сдернул с трупа простыню.

— Так, так, так. — Сыщик наклонился и аккуратно вынул из раны кинжал. — Какой необычный ножик: узкий, легкий, а заточен-то как остро!

— Я у горцев такие видал, — сообщил пристав, служивший некогда на Кавказе.

— А это еще что?

— Где?

— Да под трупом. — Сыщик приподнял правую руку покойного и вытащил из-под нее револьвер.

— Хм, а я, признаться, его и не заметил, — сказал пристав. — Откуда он взялся?

— Предположу, что господин Чванов держал его в руках, но грабитель исхитрился первым ударить его кинжалом, и револьвер выпал из рук покойного, который на него и упал. Так, так, так... и где кухарка?

— На кухне, плачет.

— Приведите-ка ее сюда.

Пристав жестом отправил за кухаркой одного из городских. Тем временем чиновник для поручений сысковой полиции Яблочков обшарил карманы в халате убитого.

— Ага! Несколько рублей, мелочь, связка ключей.

Он вытащил ее и, подойдя к одной из разбитых витрин, быстро нашел ключ, который ее открывал.

— Хм, зачем же ее разбили?

— Предположу, что грабитель торопился, — сказал пристав.

В бывшую столовую вошла кухарка.

— Ты нашла труп? — спросил ее сыщик.

— Да, — подтвердила она, стараясь не смотреть на покойника.

— А ножик чей? — Яблочков сунул ей под нос оружие убийства. — Твой?

— Нет, что вы...

— Не ври, знаю, что твой. Ты барина убила?

— Да что вы говорите? — перепугалась Павлухина. — Я верой и правдой ему служила. А он был добрым ко мне. Зачем мне его убивать?

— Чтобы присвоить заклады, — объяснил Яблочков, повернувшись к приставу. — Кухню обыскали?

— Конечно, но ничего ценного не нашли.

Яблочков схватил кухарку за плечи:

— Говори, где заклады?

— Пустите! Невиновная я!

Пристав кашлянул:

— Кроме ценностей у Чванова еще и деньги украли. Вон видите несгораемый шкаф, вмурован в стену?

— И сколько там было денег? — заорал на кухарку чиновник сыскной.

— Не знаю, — заплакала она.

Яблочков подошел к открытому шкапу со связкой ключей и быстро подобрал нужный.

— Странно. Почему шкаф вскрыли ключом, а витрины разбили? Ведь дворник и прохожие могли услышать шум в квартире — форточка-то открыта.

— Да дворник в стельку пьян, — сообщила кухарка.

— Как пьян? — удивился Яблочков и вопросительно уставился на пристава, в обязанности которого входило следить за поведением всех дворников вверенного ему участка.

Пристав пожал плечами.

— Приведите-ка его сюда, — распорядился Яблочков и продолжил допрос кухарки. — Ну а сей револьвер тебе знаком?

— Похож на тот, что был у барина.

— И где он его держал?

— В столе, в верхнем ящике.

Яблочков открыл его — револьвера там не оказалось. Он задумался и потом попытался вслух представить сцену убийства:

— Итак. Грабитель под угрозой ножа заставил Чванова открыть несгораемый шкаф. Пока негодяй выгребал оттуда деньги, ростовщик подошел к столу, вытащил револьвер, но выстрелить не успел. Потому что опомнившийся преступник подскочил и пырнул его кинжалом.

— Кинжал он мог и метнуть, — предположил пристав. — Кавказцы способны поразить подобным ножом на десяток шагов.

— Значит, преступник — кавказец. Зачем же кавказец разбил витрины? Ведь мог, как и я, вытащить ключи из халата... Кстати, а где конторская книга Чванова? У всех ростовщиков такая имеется.

— В нижнем ящике стола. Там же и квитанции, — сообщила кухарка.

Яблочков открыл нужный ящик, вытащил оттуда гроссбух, стал его листать... Сие занятие прервал городской, который привел Прокопия.

— Царствие небесное! — прошептал дворник, увидев мертвое тело, и повернулся к киоту, чтобы перекреститься. — Господи! Вот ведь ироды. Еще и иконы украли.

Кухарка подняла голову:

— И впрямь украли, а я и не заметила.

— Много их было? — спросил Яблочков.

— С дюжину! И каждая в дорожном окладе, — сокрушенно заметила кухарка.

— Описать иконы с окладами сможешь?

— Конечно...

— Господин пристав, не в службу, а в дружбу, покамест я с этим красавцем беседую, составьте с Павлухиной список икон и запишите, как выглядят оклады.

— Хорошо.

Чтобы не мешать опросу дворника, пристав с кухаркой удалились на кухню.

— Твоих рук дело? — зловещим тоном спросил дворника Яблочков, указав на ростовщика.

— Нет...

— Твоих, твоих! По глазам твоим бесстыжим вижу, что ты убийца. Давай признавайся! Тогда тебе послабление выйдет.

— Так не в чем признаваться. Такой грех на душу взять не могу...

— А какой можешь?

— Да никакой. Это я так. К слову...

— А почему пьян?

— Вовсе и не пьян. Просто лук ел. Очень он от заразы помогает.

— От какой еще заразы? — опешил Яблочков.

— Простуды всякой, — объяснил дворник. — Я ведь целыми днями на улице стою. А народец мимо меня так и шкандыбают. И каждый носом шмыгает. А некоторые еще и кашляют.

— Что за народец? Кого-то подозрительного сегодня приметил? Может, кавказца?

— Кавказца, да, видел. Как раз сегодня. В бурке и папахе.

— Куда шел?

— Не шел. Ехал на лошади. Офицер.

— Тьфу. Может, кого еще подозрительного видал?

— Много кого! Здесь же рынок рядом. То нищие снуют, то тряпичники. Каждый божий день.

— Я про сегодня спрашиваю, — перебил Арсений Иванович. — Сегодня кто показался подозрительным?

— Говорю же, нищие. Гурьбой спозаранку шли.

— Во двор не заходили?

— Нет. Зачем им во двор? Им собор нужен, христандничают они там.

— Народа в доме много живет?

— Да нет... Сейчас только Чванов. А теперя, получается, и он съехал.

— Остальные жильцы где?

— На дачах. Вот-вот вернутся. Детишкам-то по гимназиям пора...

Яблочков приуныл. Если в доме никто не живет, значит, никто в окно не смотрел.

— А Чванов со своей кухаркой ладил?

— Вроде да.

— Часто ругались?

— Не знаю, не слышал.

— А что он был за человек?

— Скупердяй, каких поискать. Нас, дворников, ну вы знаете, поздравлять положено с Пасхой и с Рождеством. Так вот, придешь к нему, и ждешь-ждешь, и ждешь-ждешь. Потом наконец Дарья рюмочку принесет и целковый. Другие-то жильцы трешку, а кто и пятерку дарят.

— Семьи у Чванова, так понимаю, нет.

— Почему нет? Жена, правда, померла. Давно уже. А сынок жив-здоров. В кадетском корпусе учится. Хороший мальчишка. Всегда здоровается...

— Сколько лет?

— Четырнадцать или тринадцать. Точно не знаю.

— Как звать сына?

— Иваном.

— И где он сейчас?

— Вроде бы в лагерях. Да вы у Дашки спросите, она точно знает.

В бывшую столовую вошли четверо мужчин: один походил на фабричного, на втором красовался вицмундир

студента Технологического института, третий походил на мелкого чиновника, четвертый — на извозчика.

— Здравия желаю, — сказали они Яблочкову.

— Ну наконец-то! — с гневом воскликнул он. — Где вас черти носят? Я же приказал ехать за мной.

— Приказать-то приказали, — вздохнул «студент».

— ...только прогонных не дали, — вторил ему «чиновник».

— Пришлось бегом, — пояснил задержку «фабричный».

— А с Большой Морской путь неблизкий, — закончил «извозчик».

— Что вы здесь забыли? — спросил, растолкав вошедших, полицейский пристав.

— Это агенты сыскной, — пояснил Яблочков.

Штат сыскной полиции был невелик — двадцать два человека, включая четырех канцелярских работников. И конечно же, побороть преступность в Петербурге, население которого приближалось к миллиону, они не могли. Но в помощь штатным сотрудникам разрешалось привлекать людей со стороны. Их и называли агентами. Платили им сдельно, только за выполненные поручения. Большинство агентов сотрудничали с сыскной полицией не один год и были столь же профессиональны, что и штатные сотрудники.

— Описание икон составили? — спросил у пристава Яблочков.

— Конечно. Заодно еще раз допросил Павлухину. И теперь абсолютно уверен, что она невиновна.

— А я вот нет. И потому ее арестую.

— Но я же сказал... — запротестовал пристав.

— Восемьдесят процентов преступлений против хозяев совершают их слуги, — с интонацией учителя напомнил ему Яблочков.

— И где же тогда заклады? Куда она их, по вашему мнению, спрятала? — возмущенно спросил пристав. — В квартире мы все обыскали.

— А вдруг на чердаке? Вдруг в подвале соседнего дома?

— Ерунду говорите! Понапраслину на меня возводите! — возмутилась Павлухина.

— Может, и понапраслину. А может, и нет. В съезжем доме посидишь, пока не разберемся.

— Господин Яблочков, я на вашем месте арестовал бы не Павлухину, а дворника, — стал настаивать пристав.

— А вот с этим согласен. Его тоже отведите в кутузку.

Прокопий, услышав про съезжий дом, рухнул на колени:

— Помилуйте, ваше благородие.

— Городовые, исполняйте, — приказным тоном велел Яблочков. — Так, теперь что касается вас, господа агенты. По конторской книге и описи икон, что составил господин пристав, проведите розыски в ломбардах, у ростовщиков и известных вам скупщиков краденого.

* * *

1872 год

План завладеть медальоном брата Дерзкий вынашивал с этапа в Сибирь, куда шел, скованный по рукам и ногам.

До Нижнего Новгорода каторжники и ссыльные ехали по железной дороге. Там их посадили на пароход, на котором они доплыли до Казани, где им положен был отдых в пересыльной тюрьме. В таких тюрьмах содержали не только приговоренных к Сибири, но и осужденных по более мелким преступлениям.

Ночью чья-то грязная рука потянулась к медальону на его шее.

— Убери клешню! — рявкнул Дерзкий. — Иначе пальцы откушу.

— Да я только посмотреть, — примирительным тоном сказал щуплый осужденный Петька Малюга, который отбывал тюремный срок за изготовление фальшивых денег. — Там ведь картинка внутри? Так? А на ней офицер с березкой?

— Откуда знаешь?

— Так я этот медальон разрисовывал. Вернее, два их было. Заказчик от чахотки умирал и хотел сыновьям по медальону оставить на память. Из-за болезни уж очень капризным был. Позировать не захотел. Мол, старый уже. А хочет, чтобы сыновья его помнили молодым. Потому принес мне свой юношеский портрет, где он еще подпоручик и сидит у себя в кабинете, а за его спиной раскрытое окно.

— Знаю я этот портрет, — буркнул Дерзкий.

— Так, значит, ты его сынок?

— Не твое собачье дело.

— А шифр-то разгадал?

— Какой еще шифр?

— Сними-ка медальон.

Дерзкий снял его с шеи. Малюга достал из штанов лупу:

— На, гляди, видишь березу?

— Я ее и без лупы вижу.

— А то, что на портрете березы нет, обращал внимание? Там, за окном, дорога, вдоль нее деревья, а вдалеке церковь. А на медальоне твой папашка велел нарисовать только березку. Осеннюю, желтую, почти облетевшую. А сколько на каждой из веточек листьев, самолично мне указал.

— Дай-ка лупу.

Дерзкий навел ее на березку:

— Вижу восемь парных веток. На самых верхних ветках слева один листок, справа восемь. Чуть ниже слева два, справа восемь. Еще ниже слева голая ветка, справа пять. В последнем ряду слева опять голая, справа четыре. И что сие значит?

— Дата.

— Дата чего?

— Дата смерти: 1828.05.04 — одна тысяча восемьсот двадцать восьмой год мая четвертого дня. Именно так дату в документах пишут. И на могилах так раньше писали. Теперь-то наоборот, четвертого мая 1828 года. А на втором медальоне была зашифрована дата рождения. Там то ли тринадцатый был год, то ли четырнадцатый, уже не помню. А бумажку, где записал, давно потерял. Я ведь и могилку искать пытался...

— Зачем?

— Ну как зачем? Папашка твой в ней бриллиантов на сто тысяч спрятал.

— Откуда ты это знаешь?

— Я тогда в ювелирной лавке Брандта художником служил. Твой папашка в ней медальоны и заказал. А незадолго до того он спрашивал у хозяина, сколько весит партия бриллиантов стоимостью в сто тысяч рублей.

— Он ее купил, эту партию?

— Не знаю. Во всяком случае, не у Брандта.

* * *

1873 год

Расставшись с Оськой Хвастуном, Дерзкий направился на Николаевский вокзал, где сдал в камеру хранения холщовый мешок с деньгами, похищенными у брата. По-

том по Лиговке побрел в сторону Обводного, размышляя над тем, что же делать дальше?

Эх, знать бы, что брат держит револьвер не в шкапу, а в столе... Хоть и сволочь он последняя, но родную кровь Дерзкий проливать не собирался. Ему был нужен только медальон.

Что ж... Ничего теперь не исправишь. Придется навестить квартиру еще раз. Таинственные Ефросинья с Иннокентием, так не вовремя появившиеся, увидев труп, наверняка вызвали полицию. А полиция, скорее всего, арестует и кухарку, и дворника. Что Дерзкому на руку.

Обводный канал был чертой, за которой начиналось царство бродяг и нищих. Здесь у них были свои трактиры, «гостиницы» и лавки. В одну из них, торговавшую одеждой, Дерзкий и зашел. Хозяин, кинув взгляд на его драный армяк, с ходу предложил:

— Готов обменять на рубище и полтинник.

Бродяги частенько меняли свою одежду на худшую с доплатой, которую пропивали.

— Нет. Мне наоборот надо. В дворники желаю поступить. Но сперва, сказали, надо приодеться.

— А деньги-то у тебя есть? Ведь и сапоги понадобятся, и спинджак, а еще теплый кафтан на зиму.

— Зима еще не близко. Пока без кафтана обойдусь, — сказал Дерзкий, демонстрируя красненький червонец.

Хозяин лавки понимающе усмехнулся — раз кафтан не нужен, значит, служить дворником бродяга будет недолго, ровно до того момента, пока какую-нибудь квартиру в доме не обчистит. Порывшись в тюках с тряпьем, купец быстро и недорого приодел Дерзкого. А отсчитав сдачу, тихо шепнул:

— Ежели что, я и слам беру.

Сламом у воров называлась добыча.

— Раз слам берешь, может, и перышками торгуешь? — предположил Дерзкий.

— Для хороших людей найдется все, — улыбнулся хозяин лавки и достал из ящика конторки связку отмычек, которые преступники именовали перьями. — С тебя еще пять рублей.

Дерзкий кинул синенькую бумажку и, попрощавшись, снова вышел на Обводный и не спеша отправился обратно на Коломенскую.

* * *

Заняв в трактире тот же столик, за которым сидел утром, Дерзкий принялся наблюдать за домом. Сперва в парадную вошли четверо переодетых агентов сыска, потом из нее вывели под конвоем кухарку в аленьком платочке и дворника. Следом за ними выскочил франтоватый молодой человек и, свистнув извозчику, велел отвезти на Большую Морскую.

Еще через полчаса из парадной вышли четверо агентов и разбрелись в разные стороны. Чуть погодя подъехала черная карета, в которую городовые погрузили носилки с трупом. И только после этого дом покинул пристав.

— Квартиру, дверь и ворота во двор опечатать, — приказал он околоточному и строевым шагом отправился в участок.

Когда на колокольне собора пробило четыре, в трактире нарисовался Оська. Погулял он на славу, о чем свидетельствовал подбитый глаз. Дерзкого Хвастун узнал не сразу:

— А чего ты вырядился? Жениться, что ли, собрался?

— Садись.

— Эй, служающий, ну-ка водки, живо, — приказал Оська, удивленный тем, что его подельник, как и утром, попивает чай.

— Приятеля твоего, Прокопия, в участок забрали, — сообщил Дерзкий.

Оська захихикал.

— И кухарку тоже. В доме теперь никого. Самое время туда опять заглянуть.

— Вместе пойдем?

— Нет, я один. Ты на шухере постоишь. Если вдруг опасность увидишь — дворника выпустят или полицейские вдруг вернуться, начнешь громко петь. Я тогда через черный ход уйду.

Оська налил себе рюмку и выпил:

— Пошли.

Дворником Дерзкий переоделся неспроста. На оборванца, открывающего запечатанную полицией дверь, могли бы обратить внимание прохожие и сообщить городовому. А дворник на то и дворник, чтобы двери открывать. Хоть и запечатанные. И хотя отмычки Дерзкий держал впервые в жизни, с замком в парадную справился быстро, да и с дверью в квартиру проблем не возникло. Увиденное в бывшей столовой неприятно его поразило — витрины были варварски разбиты. А это означало, что заклады забрали не полицейские, а воры. И Дерзкий даже знал их имена — Ефросинья и Иннокентий.

Но где искать воришек? На всякий случай он обшарил кухню, вскрыл сундучок с личными вещами кухарки, но медальона так и не нашел. Кто его забрал? Полицейские или воры?

И только портрет отца висел на прежнем месте. Дерзкий сходил на кухню, взял там поварской нож и, вернувшись в столовую, вырезал портрет из рамы. Аккуратно свернув в трубочку, он засунул его в карман дворниц-

кого фартука. Подобрал с пола бланки ломбардных квитанций — авось пригодятся, он вышел из квартиры и, спустившись вниз, сделал знак стоявшему на шухере Оське следовать за ним. Дойдя до Лиговки, Дерзкий зашел в один из ее многочисленных трактиров. Хвастун заскочил следом. На этой раз Дерзкий заказал водки и себе.

— Ну что, заклады забрал? — спросил Оська.

— Нет их там.

— Полицейские унесли?

— Нет, воры. Ефросинья и Иннокентий. Знаешь таких?

Хвастун пожал плечами. В Петербурге и в его окрестностях промышляли тысячи мазуриков, со всеми не познакомишься.

— Тогда сегодня ты ночуешь в съезжем доме Московской части, — огорошил Оську Дерзкий.

— Что я там забыл?

— Друга своего Прокопия. Узнай у него, как нашли труп, какие ценности из квартиры вынесли...

— Так он и скажет...

— А ты его шкаликом угости.

— А где я его возьму? Винной лавки в кутузке нет, — снова захихикал Оська.

— С собой принесешь. Возле съезжего дома притворишься мертвецки пьяным, обыскивать тебя не станут.

— А что я такого натворю, чтобы меня в кутузку забрали?

— Ничего. Ты разве забыл, что я теперь дворник? Скажу, что ты на улице буянил и господин городской распорядился тебя сюда доставить. Документы у тебя в порядке, завтра с утра отпустят.

— Ну ладно. Раз надо — сделаем. Только сперва надо выпить. И брюхо набить.

* * *

Ломбарды Ямской слободы обходил агент, переодетый извозчиком. Все звали его Ефимычем. К ростовщику Сарайкину он пришел, когда на улице стемнело и хозяин запирает ставни.

— Здорово, Ефимыч, — поприветствовал тот сыщика. — Опять что-то ищешь?

— На вот список, погляди. — Агент сунул ростовщику бумагу.

Сарайкин пробежался глазами сверху вниз:

— Нет, ничего такого не видал. Ты ж меня знаешь, Ефимыч, я краденое не беру.

Сыщик был уверен в обратном, но пока еще ни разу ничего доказать не смог.

— А знаешь, у кого эти вещишки украли?

— Мне без разницы.

— У Чванова, у коллеги твоего. А перед этим зарезали его, словно скотину. Чтобы грабить не мешал. И тебя зарежут, если помогать мне не станешь.

Известие об ужасной смерти коллеги произвело на Сарайкина громадное впечатление. Трясушимися руками он стал открывать лавку:

— Погоди, Ефимыч, я, кажется, вспомнил. Как раз сегодня принесли.

Войдя, зажег керосиновую лампу, затем открыл одну из витрин и достал из нее икону Смоленской Божией Матери в серебряном окладе.

— Она?

— Похоже, да! Кто ее сдал?

— Фроська-крючочница. Я-то еще удивился: почему ко мне пришла? Завсегда же к Чванову бегала. Объяснила, что выпить надо позарез, а на Коломенскую идти далеко.

— Где Фроська живет?

— В Долгушах угол снимает. Только там ее сейчас нет. В трактире она на Воронежской. Завсегда Фроська там, когда у нее деньги на кармане. Пока все не пропьет, не уходит.

— А про остальные вещи, — Ефимыч потряс списком, — что-нибудь знаешь?

— Клянусь богом, ничего.

Сыщик, пристально посмотрев ростовщику в глаза, убедился, что тот не врет: потрясенный убийством Чванова, Сарайкин непременно бы поделился сведениями, если бы они у него были.

— Я в сыскную за подмогой. А ты пока никому про Фроську ни слова. Икону я заберу.

— Конечно, конечно.

Поймав пролетку, Ефимыч уже через полчаса поднимался по лестнице на третий этаж здания, в котором некогда размещалась канцелярия обер-полицмейстера. Но семь лет назад ее переселили на Гороховую. А здание на Большой Морской отдали новому подразделению — сыскной полиции.

Яблочков, бывший сегодня в отделении за главного, все еще находился в кабинете. Выслушав доклад Ефимыча и осмотрев икону, он отдал приказ подчиненным выдвигаться, и кавалькада пролеток полетела по сонным летним улицам на Обводный.

Трактир оказался забит под завязку, из-за табачного дыма дышать там было нечем.

— Сыскная полиция, проверка документов, — громко крикнул Яблочков, войдя на секунду вовнутрь.

Проверку, чтобы не задохнуться в табачном дыму, устроили на улице, благо вечер был теплым. Среди посетителей трактира выявили двух беспаспортных и трех нищих, не имевших права проживать в столице.

— А где Фроська-крючочница? — спросил Яблочков у последнего вышедшего из кабака. — Говорят, с вами пила?

— На полу лежит, встать не может.

Пришлось заходить. Фроську в чувство привести не удалось. Два полицейских надзирателя подхватили ее за плечи и поволокли домой, чтобы устроить там обыск.

Кешка уже спал. Его разбудили. Он с ужасом смотрел на ничего не понимающую мать и на мужчин, которые ее привели.

— Что у них из имущества? — спросил Яблочков у хозяйки Натальи Ивановой.

— Какое у нищевродов имущество, скажете тоже... Только сундук.

— Ключ от него где?

— У мамки на шее, — со скорбным вздохом сообщил Кешка.

— Что в сундуке?

— Не знаю, — соврал Кешка. — Мамка сегодня туда сама что-то клала, без меня.

Яблочков сдернул ключ с шеи Фроськи, подошел, скинул полено, служившее Кешке подушкой, и открыл сундук. Наталья, заглянув в него, охнула:

— Ну и ну!

Кешка тоже изобразил удивление:

— Откуда это?

— Ты разве не знаешь? — с подозрением спросил его Яблочков.

— Нет. Она без меня сегодня по помойкам ходила. Вернулась с набитыми мешками. А что в них, не показала.

И горько заплакал.

Никаких причин арестовывать его не было. И Яблочков оставил мальчика на попечение Натальи и ее

мужа. Фроську же распорядился доставить в съезжий дом Адмиралтейской части и посадить в камеру для задержанных.

— Как же ты без мамки теперь будешь? — погладила Наталья рыдавшего Кешку, когда полицейские удалились.

— Как-нибудь проживу. За угол у нас вперед уплачено, а на пожрать я всегда тряпок насобираю. А там гляди и мамку выпустят.

— Нет, не выпустят. В Сибирь ее отправят. И тебя вместе с ней.

— Но она ничего не сделала! Подумаешь, икону продала. Остальное-то, считай, вернула.

— Так она ведь не только ограбила, еще и убила...

— Нет, неправда, — закричал Кешка. — Чванов мертвый был, когда мы вошли...

— Значит, и ты с Фроськой был, — поняла Наталья. — А почему полицейским соврал?

— Потому что в тюрьму не хочу. Что я там забыл? Ой! А вы меня не выдадите?

— Ну, если отдашь четыре рубля, что у мамки выудил...

— Два, — твердо сказал Кешка.

— Ладно, — сжалилась жена портного.

— Завтра принесу. Я их вне дома спрятал, чтобы мамка не отобрала...

— А ты, я смотрю, паренек-то умный. Далеко пойдешь, если не остановят...

— Тетя Наталья, тетя Наталья, а как мне мамку от каторги спасти?

— Не знаю... Были бы вы богачи... У богачей-то особые защитники имеются, аблакатами звать. На суде кого хошь запутают, белое за черное выдадут, а кошку за собаку. Потому-то на каторгах только наш брат бедняк

и сидит. А богачам за убийство вместо каторги орден вручают.

— А что, если обратиться к ним, аблакатам? У меня еще рупь восемьдесят остался.

— Ну что ж, попробуй, — усмехнулась Наталья. — Спи давай, утро вечера мудренее.

* * *

В августе дни еще по-летнему жаркие, а вот ночи уже холодные. Да и утром, пока воздух не прогрелся, зуб на зуб не попадает.

Дерзкий, карауливший Оську у съезжего дома, успел озябнуть до костей, пока того наконец выпустили. Но вышел тот не один, а в обнимку с Прокопием. Следом за ними появилась в неизменном аленьком платочке Дашка. Дерзкий тут же отвернулся, чтобы, не дай бог, Прокопий с кухаркой его не узнали. Но Оська так обрадовался, что кинулся к нему с объятиями.

— Нас выпустили. Давай я тебя с другом познакомлю. — Хвастун рукой подозвал Прокопия. — Вот мой друг Толик. А это Прокопий.

— Очень приятно. — Дерзкий, пряча за воротником лицо, пожал Прокопию руку.

— Ты что, тоже дворник? — спросил тот.

— Ага, в Рождественской части.

Прокопий обнял Хвастуна:

— Ну, брат, не забывай, заходи.

Дворник пошел по Коломенской, мазурики — по Кузнечному к рынку.

— Представляешь, меня-то сразу отпустили, стали мы прощаться, и вдруг пристав Прокопия вызвал. Я решил чуток задержаться, узнать зачем. А через секунду

и его отпустили. Оказывается, сыскная ночью убийцу задержала. Меня чуть кондратий не хватил. Думал, тебя. Выхожу, а ты тут. Я так рад, так рад...

— А кого сыскная за убийство задержала, не выяснил?

— Крючочницу одну. Фроськой звать. И все заклады у нее нашли.

Дерзкий достал рубль и протянул Оське:

— На.

— Что? Опять рупь? Нет, мы так не договаривались. Ты ведь несгораемый шкаф грабанул, я знаю. Деньжат там, говорят, было немерено.

— Если дам больше, все за день пропьешь...

— То мое дело...

— А так год будешь пить.

— Что, правда?

— А то! Иди давай, отдыхай. Завтра сам тебя найду.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Погода была солнечной, а настроение хмурым. Ведь все друзья-приятели по-прежнему бултыхаются в Финском заливе, и только Володя Тарусов, словно агнец на заклание, бредет в ненавистную гимназию.

— Мне всего восемь, — напомнил он матери срывающимся голосом, вытирая платочком пот, струившийся из-под фуражки.

— Умоляю, не начинай. За последний месяц все твои аргументы я выслушала сотню раз, — еле сдерживая гнев, процедила Александра Ильинична.

— Женька пошел в гимназию в десять лет...

— И потерял два года... Был бы сейчас уже кандидатом на судебные должности.

Брат Женька Володю и напугал. Оказывается, гимназисты занимаются не только на уроках, но еще и дома: зубрят латынь, учат наизусть стихи, решают арифметические задачи и каллиграфическим почерком заполняют тетради по чистописанию. И если вдруг чего не сделать, в гимназии тебя назавтра накажут: оставят после уроков сидеть два-три часа, лишив обеда, а коли проступок сочтут более серьезным, то запрут в карцер на весь день или вызовут к директору родителей...

— Но это пустяки! — «успокоил» младшего брата Евгений, студент третьего курса юридического факультета Петербургского университета. — Когда я пошел в пер-

вый класс, нас за провинности розгами били. Но потом государь сие запретил. Теперь разве что линейкой звезданут...

— Линейкой? За что?

— Ну, за подсказку...

Для Володи, самого младшего и потому всеми в семье любимого, телесные наказания были немислимы. И поэтому последний месяц мальчика мучили ночные кошмары: то он умирал от голода, запертый после занятий в классе, то стая злобных учителей, вооруженных линейками, накидывалась на него в коридоре... Володя тщетно пытался уговорить родителей отложить поступление в гимназию хотя бы на год. Ведь год — это долго, очень долго. А вдруг за это время император запретит сажать детей в карцер и отберет линейки у учителей?

Но родители остались глухи к мольбам сына. И тогда Володя решил «помочь себе сам», провалив приемные испытания.

— Ты их не бойся, — советовал ему Женька. — Там всякую ерунду спрашивают. Например, что тяжелее, пуд сена или пуд железа?

Конечно, родители сильно расстроятся, если Володя не ответит на столь простой вопрос. И вполне вероятно, даже решат, что он это сделал нарочно. Но Володя, потупив виновато взор, объяснит сей казус охватившим его волнением... И уже завтра вернется в Терийоки, на залив, к друзьям...

* * *

Княгиню Тарусову у входа встретил лично директор гимназии, пожилой невысокий господин с седыми, зачесанными посередине на пробор волосами. Его отутюженный вицмундир источал табачный аромат и щедро был посыпан папиросным пеплом.

— Ваше сиятельство, для нас такая честь, — склонился он к ручке княгини в длинной, до локтя замшевой перчатке. — Евгений ваш — суций был вундеркинд. Уверен, что и младшенький станет первым учеником.

— Лично я в этом не сомневаюсь. Володя читает с пяти лет. И по-русски, и по-французски, — похвасталась Александра Ильинична.

Володя приуныл, поняв, что вопрос с его поступлением давно решен, а предстоящие испытания не более чем формальность.

— Какой же он милый, — фальшиво улыбнулся мальчику директор и потрепал по волосам. — А как на брата похож. Одно лицо.

Они вместе поднялись на второй этаж, где в длинном коридоре ожидали своей очереди на испытание мальчишки. Кого-то из них привела мать, кого-то отец. Дети были чрезвычайно взволнованны. Одни стояли, закрыв глаза, и шептали молитву, другие в который раз проверяли знания:

— Севочка! Повтори-ка «Буря мглою...».

И несчастный ребенок начинал скороговоркой бормотать опостылевшие строки.

Появление в коридоре директора родители почтили льстивыми кивками, а шедших с ним Тарусовых проводили злобным шепотком:

— Дочь миллионщика Стрельцова.

— Жена князя Тарусова.

— Того самого? Адвоката?

— Да-с.

— Таких берут без экзаменов.

— Ишь, уже и форму сыну купила.

— Арнольд Христофорович, а нельзя ли нам пройти испытания без очереди? — попросила княгиня, фраппированная шушуканьями за спиной. — Нам еще в Пассаж

за учебниками. И батюшку надобно навестить, почти месяц не видались.

— Конечно, конечно, — снова расплылся в улыбке директор и открыл дверь класса.

— Ну-с, прошу, — пригласил он Володю.

— Сейчас моя очередь, — тихо, но с достоинством произнес худенький мальчик в круглых очках, стоявший у двери.

— Неужели? — с ехидством спросил директор и выхватил экзаменационный листок, который сжимал в руке очкарик. — Федор сын Игнатьев Липов, из духовенства, кандидат на казеннокоштное место.

За обучение большинства гимназистов платили их родители. Однако были и те, кто учился за государственный счет. Называли таких казеннокоштными.

— Ну, раз твоя очередь, проходи и ты, — совсем не по-доброму, вовсе не так, как Тарусовым, улыбнулся очкастому директор.

Мальчишки вошли в класс, где за кафедрой восседал рыжий господин в пенсне и, самодовольно ухмыляясь, оглашал вердикт очередному претенденту, лопоухому парнишке в заношенной куртке и в стоптанных башмаках:

— Гимназия принять вас не может. Ваших знаний для обучения недостаточно.

— Но... — У ребенка навернулись слезы.

— Приходите в следующем году. — Рыжий господин левой рукой сделал жест, мол, убирайся, разговор закончен, а правой поднес ко рту стакан чая. Но вдруг, заметив входящего в класс начальника, подскочил с места, едва не облившись кипятком.

— Арнольд Христофорович, бога ради, простите, не заметил вас...

— Господин директор! Испытайте меня! Умоляю! Я все знаю! — кинулся к нему лопоухий.

— Пшел вон! — гаркнул Арнольд Христофорович.

Лопухий, утирая слезы, выскочил из класса, хлопнув напоследок дверью.

— Сын разносчика, — с нескрываемым презрением сообщил директору рыжий.

Разносчиками называли мелких торговцев, что ходили по квартирам, продавая продукты тем кухаркам, которым было лень самим посещать рынок.

— А вот вам на закуску попович, — усмехнулся директор, подтолкнув к рыжему Липова.

Поповичами называли сыновей священников.

— Прозкзаменуйте-ка его, а я займусь этим замечательным юношей. — Арнольд Христофорович сел за парту в первом ряду, указав Володе Тарусову на соседнее место. — Итак, мой друг, какой сегодня день недели?

Столь простого вопроса Володя уж никак не ожидал и потому запнулся с ответом. Изображать из себя круглого идиота ему точно не хотелось. Но и правильно ответить было нельзя. Что же сказать? Что? Внезапно вспомнив вечно пьяного Степаныча, сторожа на пляже в Терийоки, он с удовольствием огласил любимую им прибаутку:

— Опца-дрица, оп-ца-ца, вот и тяпница пришла!

— Кто пришла? — искренне удивился директор.

— Пятница, — гордо объявил Володя.

— Сегодня не пятница, а понедельник, — неожиданно возразил мальчик в круглых очках.

— А вас, Липов, не спрашивают, — одернул его рыжий. — Вспомните-ка лучше, как звали полководца, что родился на Корсике, носил треуголку и умер на острове Святой Елены?

Володя едва не выкрикнул: «Наполеон», но вовремя себя сдержал. Если валять дурака, то до конца. Иначе директор ни за что не поверит, что Володя — неуч.

Однако Федя Липов ответа явно не знал. Он долго молчал, переминался с ноги на ногу, а потом неуверенно выпалил:

— Александр Македонский...

— Александр Македонский носил шлем, — усмехнулся рыжий.

— Что ж, перейдем к арифметике, — произнес Арнольд Христофорович. — Что тяжелее: пуд сена или пуд железа?

Тарусов не успел и рта раскрыть, собираясь ответить, что железо, как Липов огласил:

— Пуд, он и в Африке пуд. Вес у них одинаковый.

— Вас про то не спрашивали. И раз вы такой умный, — рыжий снова хмыкнул, — сосчитайте-ка: кружка молока стоит две копейки, сколько кружек можно купить за пять?

— Две, — с ходу ответил Липов. — И еще копейка останется.

Директор и рыжий громко рассмеялись.

— Неправильно, — уняв смех, огорошил Липова Арнольд Христофорович.

— Как? Почему? — дружно удивились мальчики.

Липов даже расчет привел:

— Дважды два четыре. Пять минус четыре — копейка.

— На которую, между прочим, можно купить еще полкружки, — ехидно заметил рыжий. — Ну и последний вопрос.

— Позвольте сперва я, — попросил директор. — Петух Ивана снес яйцо на огороде у Петра. Кому принадлежит яйцо?

— Ну... — Володя опять задумался. Загадки этой он не знал. И чуя подвох, хотел сперва додумать правильный ответ, чтобы затем выдать заведомо неверный.

Но Липов снова его опередил:

— Петух яйца не несет.

— Кто тебя спрашивал? — накинулся на него Арнольд Христофорович и обратился к рыжему: — Сергей Данилович, прошу, сделайте так, чтобы этот отрок нам не мешал.

— С превеликим удовольствием. Итак, Липов, последний вам вопрос. Яйца стоят две копейки за штуку. Сколько их можно купить на двадцать пять копеек?

Володя сразу понял, в чем подвох — ведь предыдущая задача была про молоко, которое можно было поделить на половинки кружек. А вот яйца так не поделишь. Не будь предыдущей задачи, Липов ответил бы правильно, но из-за волнения попался на уловку хитрого экзаменатора:

— Двенадцать с половиной.

— Что ж, юноша, приходите на будущий год, может, тогда судьба улыбнется и вам.

— Но...

— Пшел вон... Ну а вас, Тарусов, жду завтра к девяти утра на занятия, — сказал директор Володе, краем глаза наблюдая, как Липов, стиснув зубы, чтобы не разрыдаться, покидает кабинет.

— Это нечестно, несправедливо, — заявил Володя. — Я не ответил ни на один вопрос...

— Липов тоже...

— Но он ответил на мои...

— В гимназии надо отвечать лишь на те вопросы, что заданы лично вам. Запомните это. Все, Тарусов, идите, обрадуйте вашу мать.

Володя выскочил из кабинета, не попрощавшись и не поблагодарив преподавателей.

— Ну что? Приняли? — спросила Александра Ильична.

- Учиться здесь я не буду. Ни за что...
- Ты опять за свое?
- Потому что вон того мальчика, — Володя указал на уткнувшегося в материнское платье Федю Липова, — завалили. Нарочно завалили. Он ответил на все вопросы, которые задали мне. А я не ответил. Меня приняли, а его нет. Это нечестно. Я не желаю тут учиться...
- Действительно нечестно. Если я добьюсь, чтобы... как его там?
- ...Липова...
- ...приняли в гимназию, ты наконец перестанешь выкаблучиваться?
- Обещаю, — вздохнул Володя.
- Тогда подойди к своему Липову и попроси их с мамой задержаться. Я мигом.
- Княгиня подошла к двери в класс и, постучавшись, приоткрыла ее:
- Арнольд Христофорович, можно вас на пару слов?
- Разумеется, ваше сиятельство. Пройдемте в мой кабинет.

* * *

- Володя подошел к Феде, которого, как могла, успокаивала его мать:
- На будущий год еще разок попробуешь. Но ежели и тогда не примут, что ж поделывать, пойдешь в семинарию.
- Липов завыл:
- Не хочу в пономари...
- Так и не надо. Если будешь там хорошо учиться, в академию тебя возьмут. Как брата моего двоюродного. Сам потом будешь в семинарии преподавать...

— Эй! — Володя дернул Липова за рукав.

Тот обернулся:

— Чего тебе?

— Меня Володей звать, — протянул руку Тарусов.

Липов демонстративно спрятал свою за спину.

— Ну ты чего? — удивилась его родительница.

— Это тот самый мальчик, которого приняли вместо меня.

— Моя мама просит вас ее обождать, — сказал Володя.

— Еще чего! Матушка, пойдемте отсюда, — стал тянуть родительницу за рукав Липов.

— Ну... это невежливо. Обождем, раз просили, — не согласилась с сыном попадья. — Так ты Володя? А я тетя Настя. А он Федя.

— Для кого Федя, а для некоторых Федор Игнатьевич.

— Очень приятно, Федор Игнатьевич, — сказал в тон Володя. — Меня можете называть «вашим сиятельством».

— Чего-чего?

— Для некоторых я князь Тарусов.

— Врешь!

— А я ведь тебе говорила, — встряла в мальчишескую перебранку матушка Липова. — В этой гимназии учатся одни графья да князья. Нам они не чета.

* * *

Тем временем княгиня Тарусова на повышенных тонах беседовала с директором:

— По словам моего сына, Липов ответил правильно на все вопросы, что задавали Володе.

— Но не ответил на заданные персонально ему.

- Потому что вы нарочно его заваливали.
- А что прикажете делать? Казеннокоштных мест мало, желающих много. Сыновья приказчиков, извозчиков, попов... Тьфу! Нет уж! Мы берем только приличных, только детей обедневших дворян.
- Но...
- Ну, вы же первой начнете возмущаться, ежели ваш сын окажется за партой с сыном кухарки.
- То есть моего сына вы приняли?
- А как же.
- Значит, должны принять и Липова. Он правильно ответил на те же вопросы! Должна же быть справедливость.
- При всем уважении, ваше сиятельство, нет, никак не могу, все казеннокоштные места уже заняты.
- А места за счет благотворителей?
- Состоятельные люди часто жертвовали гимназии суммы, на которые обучались неимущие.
- Увы, и они тоже.
- Тогда я учреждаю стипендию своего имени. И первым моим стипендиатом будет Липов.
- Хм... Требуется решение попечительского совета...
- Значит, собирайте свой совет и решайте, а я пойду обрадую несчастного ребенка. — Княгиня решительно встала и пошла к выходу.
- Александра Ильинична, — уже у двери окликнул ее Арнольд Христофорович.
- Что еще?
- Простите, но вы не сообщили форму обучения вашего стипендиата: полный пансион, полупансион или приходящий?
- Приходящие жили дома и в гимназию являлись только на уроки. На полупансион обычно поступали дети, хоть

и жившие в Петербурге, но далеко от гимназии — и чтобы каждый день не тратить время и деньги на дорогу туда-обратно, они в учебные дни ночевали в гимназии и только на выходные возвращались в семьи. На полный же пансион поступали иногородние, которые уезжали домой лишь на каникулы.

— А на какую форму обучения подавали Липовы?

— Приходящий...

— Зачем тогда глупости спрашиваете? Сами могли бы догадаться.

Быстрым шагом пройдя по длинному коридору, княгиня подошла к детям.

— А вот и мама! — обрадовался Володя.

— Так это ты Федя Липов? — потрепала Александра Ильинична макушку своему стипендиату.

— Он не Федя, а Федор Игнатьевич, — усмехнулся Володя.

— Ну что ж, Федор Игнатьевич, ты принят в первый класс.

— Правда? — не веря своему счастью, переспросил Липов.

— Правда.

— Ура! — закричали мальчишки.

Под завистливыми взглядами сидевших в очереди Липовы с Тарусовыми направились к выходу.

— Александра Ильинична, — представилась княгиня матушке своего стипендиата.

— Настя. То бишь Анастасия Григорьевна, — поправились Липова.

— Надеюсь, у вас есть деньги на форму и учебники?

— Ну, раз такое дело, зайдем. Приход-то у нас небогатый, с хлеба на квас перебиваемся.

— И где ваш приход?

— А недалече. Церковь Симеона и Анны. Мы-то Федею сперва в семинарию собирались отдать, — призналась Липова. — А тут слух прошел, что теперича после семинарии надо сперва пять лет отслужить пономарем и только потом посвящение в сан. Куда ж такое годится? Пономари ведь копейки получают. Вот и решили в гимназию поступать. Наняли Феде учителя. Божился, что подготовит. И были уверены, что поступит. А он весь в слезах вышел. Спасибо, ваше сиятельство, что директора переубедили.

Княгиня раскрыла ридикюль и вытащила оттуда три червонца:

— Давайте-ка я вам деньги одолжу...

— Нет, нет, ну что вы?

— Пока вы найдете, у кого занять, все лавки закроют.

— Ваша правда. Но как-то неудобно. Мы едва знакомы.

— Мы-то да. А дети, глядите, уже подружились.

Володя с Федей как раз обнялись на прощание:

— До завтра, Федор Игнатьевич.

— До завтра, ваше сиятельство.

* * *

В девять утра в камере осталась только Фроська, которую товарки по несчастью будить перед уходом не стали. Пусть проспится. Ведь она им не чета, задержали ее не за нищенство или мелкое воровство, а за убийство с грабежом. Каторга ей светит. Пусть отдохнет горемыка перед судом и этапом.

Проснулась крючочница в десять. Сперва не поняла, где находится. Потом, увидев чайник, жадно из него напилась. Оглядевшись, узнала камеру съезжего дома

Адмиралтейской части, в которой из-за пьянства уже бывала. Интересно, за что ее забрали в этот раз? Опять за скандал в трактире? Почему тогда не отправили со всеми в сыскную?

Лязгнули замки. В камеру зашел надзиратель.

— Ну? Проснулась? Тогда пойдем. Яблочков велел, как глаза откроешь, сразу к нему. Пока ты еще тепленькая.

— Яблочков? Это еще кто?

— Неужто не слыхала? Второй человек в сыскной...

— И на кой я ему?

— Сперва допросит, потом в съезжий дом Московской части отправит, по месту совершения преступления. До суда побудешь там.

— До какого суда? Ты что несешь? Я разве убийца какая?

— А разве нет? У кого заклады убитого ростовщика нашли?

— Ой! Их нашли? Господи! А Кешка где?

— Какой такой Кешка?

— Сынок мой.

— Про него не знаю. Одну тебя привезли. Ну вставай, пошли.

* * *

Яблочков со вчерашнего вечера пребывал в превосходном настроении — раскрытие убийства ростовщика Чванова, причем раскрытие моментальное, гарантировало ему или повышение в чинах, или орден, а может, и то, и другое. Дело оставалось за малым — привести пьянчужку Ефросинью Соловьеву к признанию.